

Анна Боронина

ГЛАЗА
НЕФРИТОВОГО
ДРАКОНА

Любовь по-азиатски. На границе миров

Анна Боронина

Глаза нефритового дракона

«ЭКСМО»

2026

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Боронина А.

Глаза нефритового дракона / А. Боронина — «Эксмо»,
2026 — (Любовь по-азиатски. На границе миров)

ISBN 978-5-04-252872-9

Одна встреча. Одна легенда. Одна судьба. Лине двадцать три, и она талантливый художник-реставратор. Получив приглашение поработать над фреской в Запретном городе, она отправляется в Пекин, не подозревая, что ей предстоит прикоснуться к тайнам, которые веками берегли древние стены. Согласно одной из них, если дорисовать дракону глаза, он оживёт. И чем ближе Лина к последнему штриху, тем сильнее стирается грань между мифом и реальностью. Теперь ей предстоит решить, кому довериться: дракону, обещающему невероятную силу, или загадочному хранителю, убеждённом, что пробуждение Шеня грозит миру гибелью... Городское фэнтези о тернистом пути к мечте и любви, для которой не существует преград. «Эта история мгновенно перенесёт вас в мир искусства, пронзительной любви и загадочной энергии ци, способной пробудить даже древнего дракона. Она понравится и давним любителям атмосферы китайских легенд, и тем, кому только предстоит окунуться в неё впервые». — Евгения Александрова, писательница

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-252872-9

© Боронина А., 2026

© Эксмо, 2026

Содержание

Пролог. Спящий дракон	8
Глава 1. Неслучайные знакомства	10
Глава 2. Портрет	16
Глава 3. Реставрационные мастерские	25
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Анна Боронина
Глаза нефритового дракона

© Боронина А., текст, 2026

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2026

画龙点睛¹

#¹

¹ Китайская идиома: «Рисуя дракона, нарисовать глаза» – нанести завершающий штрих, одним штрихом оживить картину. Здесь и далее примечания автора.

Пролог. Спящий дракон

Высоко в небесах, так высоко, что пространство и время теряли свой смысл, в прекрасном золотом дворце спал дракон. Сон его был крепок и безмятежен, колоссальное чешуйчатое тело, свёрнутое в кольца, поблёскивало в нежном утреннем свете драгоценным нефритом. И сон его не могли прервать ни пение птиц, ни далёкие, словно громовые, раскаты, ни тепло солнца, нагревающее чешую. Даже полное печали прикосновение старого друга не заставило дрогнуть его веки, ни на мгновение не сбилось ровное дыхание.

Он спал сотни лет, но много ли значит время в прекрасных чертогах, где царит вечная весна, где бирюза неба всегда безмятежна, а воздух сладок от цветущих вишен?

– Пора бы тебе проснуться, друг мой и вечный соперник, – требовательно проговорил молодой юноша в золотых одеждах, опирающийся на посох, – пора вернуться в Небесные чертоги, найти свою жемчужину и хранить границы, как хранили их всегда драконы. Слишком силен стал правитель Диюя, возросло его влияние на наместника твоего в подземном царстве, слишком многое он позволяет себе. И демоны уже расшатывают печати...

Огромный дракон тяжело вздохнул, словно силился проснуться, колыхнулись кольца, сверкнула чешуя, и вновь стал глубок его сон.

Грустно улыбнулся юноша:

– Что ж, там, где бессильны всемогущие, приходится искать помощи у смертных. Раз твои соратники и слуги забыли, как можно тебя вернуть, придётся мне.

Мелькнул золотым всполохом посох, и юноша исчез, чтобы появиться в точно таком же дворце, но там, где время было быстротечно и безжалостно. Опустилось оно на его плечи, пригибая к земле, испещрило молодое лицо глубокими морщинами, даже золотые одежды потеряли свою яркость и блеск, и только глаза остались весёлыми и яркими, словно янтарь, пронизанный солнечными лучами.

Был тот час, когда ночная тьма превращается в неверные утренние сумерки, когда глубокая тьма уже отступила, но свет ещё не вступил в свои права. Над спящим Пекином занимался бледный рассвет; привычный для жителей Поднебесной смог прятал солнечные лучи в сероватой, горько пахнущей дымке. Ни души не было в Запретном городе, даже бдительная охрана задремала на своих постах в тот час, когда старик удивительно стремительной для своих лет походкой вышел из окутанного безмятежной тишиной Дворца земного спокойствия и остановился, окидывая взглядом дворцовый комплекс:

– Айуби², – протянул он, укоризненно покачав головой, – как потускнел императорский дворец без присмотра!

Он сделал несколько шагов по лестнице, озираясь и недовольно цокая:

– Стоит добавить сюда красок и золота.

² Распространённое китайское междометие, аналог русских выражений «ну надо же», «ох», «ай» (*кит.* ## или ##).

Глава 1. Неслучайные знакомства

Давным-давно, когда в мире было много ци, увидел дракон Шень жену своего брата – земного императора, и прекрасна она была, словно распустившийся цветок лотоса.

– «Погода была прекрасная, принцесса была ужасная», – изобразив на лице кривую улыбку, прокомментировала мать, понизив голос, когда Лина нашла её в толпе желающих приобщиться к современному искусству.

На улице пылал жарой июньский полдень, вручение дипломов должно было начаться через пару часов, и Лина искренне надеялась, что успеет незаметно улизнуть с презентации очередного протеже матери.

Она бы вообще пропустила открытие выставки ещё одного современного художника, но мать настояла, и вряд ли бы нашёлся человек, который смог бы не стусеваться и отказать известной московской галеристке и покровительнице молодых дарований.

– Привет, мам! – Лина покорно подставила щёку, её окутало тонким запахом пионов, и материнский поцелуй растаял в паре сантиметров от кожи – конечно, нельзя же испортить макияж.

Татьяна Ларионова была воплощением элегантности и стиля. Как она сама постоянно твердила Лине, предпочитающей любой продуманной укладке небрежный пучок, держащийся на кисточке или карандаше, попавших под руку, – женщина должна олицетворять собой то, чем

занимается. А занималась Татьяна Ларионова подбором картин для частных коллекций, владела галереей современного искусства и блистала как организатор вот таких закрытых выставок.

Когда-то давно она мечтала стать художницей и, насколько могла судить Лина по старым работам матери, найденным на чердаке дачного дома, подавала большие надежды. Но на практике в Италии, куда Татьяна попала едва ли не случайно, познакомилась с отцом Лины и теперь уже бывшим мужем. Он-то и сбил молодое дарование с пути истинного.

– Что на тебе надето? – Мать отстранилась и придирчиво оглядела её с головы до ног, как если бы Лина была одним из полотен, представленных ей для оценки. – Я же предупредила тебя, что здесь будет Виктор. Я показала ему несколько твоих работ, он планирует купить ту, с поталью. Не лучший выбор, на мой взгляд, но для начала – очень хорошо. Нарисуешь пару похожих, выставлю их у себя.

– Мам, мне надо тебе кое-что сказать, – начала было Лина, для храбрости сжимая свою маленькую сумочку так, что мелкий бисер впился в пальцы, но мать оборвала её, заметив кого-то в толпе:

– Не стой столбом, пообщайся с людьми, тебе пора самой заводить полезные знакомства. Через полчаса найди меня, познакомлю тебя с Виктором. – Она ещё раз оглядела её. – И туфли эти дурацкие! Надо будет поговорить с твоим отцом, пусть проследит, чтобы ты не сидела постоянно в музеях, хотя бы когда гостишь у него.

– Я как раз хотела с тобой...

– О, То Лао! Такая честь видеть вас здесь! – Мать повернулась к ней спиной, переключив всё внимание на пожилого китайца. – Право, не ожидала, мне казалось, что современное искусство немного не в вашей сфере интересов.

– О, что вы, Татьяна, интересно посмотреть, на что способны молодые художники. – Взгляд мужчины скользнул по Лине, блеснула золотая оправа очков, и он сосредоточился на её матери.

Вот с кем бы Лина с удовольствием познакомилась. То Лао был известным реставратором, лучшим. Более двадцати лет он работал по всему миру, но неизменно возвращался туда, где оставался практически богом, – в Запретный город в Китае. Но мать была уверена, что Лина забыла о мечтах стать реставратором. Что ж, её ждёт большой сюрприз, когда она узнает, что дочь окончила вовсе не факультет живописи.

Лина вздохнула, оглядывая посетителей – сплошь элегантные гости, пришедшие не столько посмотреть полотна, сколько приятно провести время. Безусловно, здесь были и истинные ценители, возможно из числа друзей самого художника, но в основном – меценаты вроде её матери и Виктора, галеристы и те, кто искал возможности выгодно вложить свои капиталы. Она обошла по кругу два зала, задерживаясь у каждой из картин, и наконец остановилась в дальнем углу, где висел огромный, практически во всю стену холст с щедро рассыпанными по белому фону зеленовато-голубыми кругами. На некоторых рука художника дрогнула, хотя Лина не исключала, что подобное было сделано специально и пятна размазались, потеряли свою геометрическую округлость и стали напоминать диковинную чешую.

В затылок приятно дул кондиционер, охлаждая шею и покачивая снова упавшую на лицо прядь, и Лина замерла, любуясь тем, как плавно кружатся в тёплом солнечном свете, пронизывающем серое пустое пространство галереи, мелкие пылинки. На фоне бетонных стен, белого холста и зеленоватых пятен они казались волшебной золотой пылью.

– Красиво, правда? – раздалось за спиной на английском с сильным акцентом.

Лина моргнула, вдыхая, словно всплывая из глубин воображения, и, обернувшись, увидела То Лао, который разглядывал полотно с искренним интересом.

– Не совсем то, что мне нравится, – неожиданно честно ответила Лина, хотя не соглашаться с мэтром было странно, мать бы точно улыбалась и кивала, впрочем, разбираться в современном искусстве было её работой. – Я предпочитаю менее абстрактную живопись.

– Легко восхищаться тем, что близко и понятно, – с улыбкой произнёс То Лао, – удивляться и принимать чуждое требует гибкости ума, или же это чуждое должно быть неоспоримо прекрасным.

Он помолчал, разглядывая картину поверх очков, и добавил, не глядя на неё:

– Вы так внимательно разглядывали картину, что я подумал, возможно, вы видите больше.

Лина вновь перевела взгляд на круги, надо было ответить что-то нейтральное, что-то, что польстило бы и художнику, и не задело бы известного реставратора:

– Свет в зале красиво падает, – уклончиво ответила она, отводя взгляд и ругая себя за то, что не может перевести беседу на более интересную тему. Он известный реставратор! Сколько всего можно было узнать, а она даже не знает, что ответить на простой вопрос. В такие моменты ей хотелось бы быть похожей на мать – она могла поддержать любой разговор и, казалось, искренне интересовалась любым собеседником.

– О, вот ты где!

Лина едва не закатила глаза: стоило вспомнить.

– То Лао, надеюсь, моя дочь не докучала вам? – Мать положила руку на её плечо, привлекая к себе в заботливом объятии.

Ещё бы за щёчку потрепала! Лина замерла, чувствуя, как краснеет, и желая провалиться сквозь землю.

– Нет-нет, – То Лао послал Лине неожиданно лукавую улыбку, – мы обсуждали ваш чудесный вкус: такая работа со светом и пространством! Только вы, Татьяна, могли столь чудесно всё спланировать.

– О, благодарю. – Кажется, её мать была действительно польщена, хватка её пальцев на плече ослабла. – Прошу нас извинить, хочу представить дочь знакомому. Она только начинает свою творческую карьеру, а я делаю всё, чтобы ей помочь.

– Конечно. – То Лао склонил голову в вежливом поклоне, а потом внезапно протянул Лине визитку. – Возможно, когда-нибудь вам понадобится совет. Ваша мать верно подметила: в начале пути всем нужна помощь.

– Спасибо!

Он ободряюще улыбнулся, когда Лина убрала в маленькую сумочку красный картонный прямоугольник.

– Что это вообще было? – недовольным шёпотом отчитывала её мать, ловко лавируя между посетителями. – Я просила тебя подойти через полчаса, а в итоге должна бегать и искать тебя!

– Я увлекалась, прости, – ответила Лина, чуть не столкнувшись с официантом, который нёс шампанское на круглом подносе, и зная, что оправдываться бесполезно, всё равно добавила: – И это же был То Лао!

– Он интересная личность, надо будет обязательно напомнить, чтобы упомянули его в пресс-релизе. Но он не твой потенциальный клиент! А Виктор не будет ждать вечно!

И мать, кивая и улыбаясь знакомым, практически потащила её в зону отдыха, где пока что было пусто, за исключением высокого мужчины, который что-то быстро печатал на компьютере, параллельно отрывисто разговаривая по телефону. Заметив, что они приближаются, мужчина быстро закончил разговор и сделал пару шагов навстречу.

Виктор неожиданно оказался китайцем, правда, прекрасно разговаривающим на русском, едва заметный акцент придавал его речи отрывистость и жёсткость. Наверное, он был из тех китайцев, что ведут бизнес в России, хорошо знают язык и даже берут себе русские имена.

– Рад знакомству, Лина. – Он удержал её ладонь, протянутую для рукопожатия, и поцеловал: очень галантно, не касаясь губами, но его дыхание словно обожгло кожу.

Лина не отдернула руку только потому, что чувствовала пристальный материнский взгляд. Не хватает ещё, чтобы она начала критиковать её при клиенте.

– Взаимно, – немного нервно улыбнулась она, радуясь, что выбрала простое, но элегантное тёмно-синее платье: знакомый матери оказался не сморщенным старикашкой, как она ожидала, а молодым мужчиной. Лина бы затруднилась назвать его точный возраст, но, пожалуй, не старше тридцати пяти. Он выглядел... дорого. И, похоже, был тем самым типом уверенных в себе мужчин, который заставлял теряться рядом с ними.

Вместо европейского костюма он с элегантной небрежностью носил традиционный китайский жакет с воротником-стойкой. Лина невольно проследила взглядом рисунок, изображающий пятипалых драконов, выбитый на плотном иссиня-чёрном шёлке бесконечно повторяющимся узором. Она подняла взгляд: чёрные раскосые глаза смотрели на неё с доброжелательным любопытством.

Мужчина был высок даже для европейца, и Лина почувствовала себя рядом с ним неожиданно маленькой. При всей его видимой доброжелательности он выглядел властным.

Лина примерно так же чувствовала себя рядом с отцом, когда приезжала к нему на каникулы в Италию. И хотя в целом её устраивала собственная внешность, в такие моменты она ощущала себя неухоженной серой мышкой.

Впрочем, во взгляде Виктора сквозил скорее искренний интерес и не было никакого осуждения, так что Лина немного расслабилась. Он просто деловой партнёр матери, и это большая удача, что картина ему понравилась: на время практики деньги ей пригодятся, а просить у отца всегда было неудобно, хотя он никогда и не отказывал.

Мать при всех своих недостатках всегда позволяла Лине самостоятельно распоряжаться деньгами, вырученными за продажу картин. Возможно, таким образом она подчёркивала своё одобрение выбора профессии. Выбора, который сама за неё и сделала.

– Татьяна, позвольте вас на минутку. – За спиной Татьяны уже давно маячил её ассистент и выжидал удобного случая, чтобы привлечь к себе внимание. – С вами хотят переговорить относительно покупки...

– Ох, прошу извинить меня. – Мама была само обаяние. – Боюсь, что это может затянуться. Но, Виктор, думаю, вам не придётся скучать: уверена, что вы найдёте с Линой общие темы.

Мать бросила на неё острый взгляд, обещающий все кары небесные в случае, если она оплошает и не развлечёт дорогого во всех смыслах клиента, и, кивнув Виктору, смешалась с толпой.

Лина неловко улыбнулась, незаметно поглядывая на часы: час вручения дипломов стремительно приближался, а ей ещё надо было успеть добраться до университета. Не было ничего страшного в том, чтобы забрать диплом позже, но из-за бумажной волокиты всем, кто не получил его сразу, в торжественной обстановке, следовало приехать в деканат аж через неделю. А так долго Лина ждать не могла: у неё уже были куплены билеты на «Сапсан» с отправлением через три дня, и ждали её на практику, на которой непременно нужен был диплом.

Она всё ещё не представляла, как сообщит матери, что вместо рисования полотен для офисов и частных галерей в прекрасной светлой студии в Москве планирует ближайшие месяцы работать на подготовке экспонатов к выставке в Эрмитаже. Да и работой предстоящую авантюру назвать было сложно: неоплачиваемая практика, но зато, как пообещал будущий руководитель, если она покажет себя хорошо, её возьмут в штат. На это Лина и рассчитывала.

– Вы, похоже, торопитесь? – Виктор указал взглядом на наручные часы Лины, которые она неосознанно теребила на запястье.

Она вспыхнула, уже представляя, как будет недовольна мать и как придётся выслушивать её нравоучения относительно необходимости заводить нужные знакомства, но Виктор неожиданно захлопнул ноутбук, небрежно засунув под мышку, как простую папку:

– Мы могли бы поговорить в дороге, если, конечно, вы не побоитесь сесть в машину к практически незнакомому мужчине. – Тон был нейтральным, хотя лёгкую насмешку он и не пытался скрыть.

Лина огляделась, думая, что заметит мать, но её не было видно, а вот время действительно стремительно утекало.

– Думаю, что могу рискнуть, – ответила она гораздо менее уверенно, чем ей бы хотелось.

Виктор галантно взял её под руку и, небрежно кивая на приветствия гостей выставки, решительно пошёл сквозь толпу. Как он это делал? Лина точно бы с кем-то столкнулась: никто бы не расступался так перед ней.

Впрочем, ей обычно нравилось быть незаметной: наблюдать и слушать было куда спокойнее, а зачастую интереснее, чем участвовать в чём-либо. Она успешно скрывала от одногруппников и преподавателей то, кем была её мать, предпочитая, чтобы окружающие видели её саму, а не просили представить их творчество. Не то чтобы это помогало завести друзей.

Тем более странным было, что в компании Виктора она чувствовала себя неожиданно свободно и даже не смутилась, когда он открыл перед ней дверь автомобиля, прежде чем сесть на заднее сиденье рядом. Конечно, у известного мецената непременно должен был быть водитель.

В салоне было прохладно и тонко пахло чем-то одновременно пряным и свежим. Словно с улицы она на мгновение окунулась в прохладу хвойного леса где-то в горах.

– Так куда вы так торопитесь, Лина? – поинтересовался Виктор, поворачиваясь к ней. – Я хотел предложить заехать в вашу мастерскую, Татьяна много рассказывала о том, как вы можете часами работать, и мне было бы любопытно взглянуть. Но чувствую, что сейчас вы мыслями где-то ещё.

– Это так заметно? – спросила Лина, мысленно ругая себя за неумение красиво отговориться и чувство неловкости, которое возникало из-за того, что ей приходилось сидеть в ограниченном пространстве машины с практически незнакомым человеком; но она слишком тревожилась, что мать могла что-то заподозрить.

Лина предпочла бы поговорить с ней уже потом, когда благополучно доберётся до Петербурга с дипломом и приступит к работе. Иначе ей точно не хватит духу уехать.

– Я просто привык... скажем, наблюдать за людьми, – тонко улыбнувшись, пояснил Виктор, – угадывать порывы и желания – необычайно интересно.

Лина промолчала, судорожно придумывая, как бы попросить высадить её у ближайшей станции метро, но Виктора, казалось, ничто не смущало.

– У вас интересный стиль, – он легко переключился на безопасную тему, – ваша мать говорила, что я планирую приобрести несколько ваших картин в свою коллекцию? Она сообщила мне, что вы закончите несколько полотен к концу июля.

Сердце Лины упало: не планировала она ничего заканчивать, она хотела поехать и реставрировать инкрустацию на экране периода династии Цин.

– Не уверена, что закончу этот проект, – решив, что честность – лучшая политика, проговорила Лин и добавила, неловко улыбнувшись: – Я рассчитывала продать только одну картину. Простите.

– Ничего страшного, я готов подождать. – Виктор тоже улыбнулся и неожиданно дотронулся до её сложенных на коленях ладоней. – У вас... как это говорят?.. Золотые? Да, золотые руки.

Лина вздрогнула, но отдёрнуть руки показалось ей слишком невежливым. К тому же в прикосновении Виктора не было ничего, что настораживало бы, только искреннее восхищение.

– Я... – Она сделала вид, что ей срочно понадобилось проверить сообщения на телефоне, и, к собственному облегчению, увидела уведомление от Нины. – Простите, мне надо ответить.

Нина в свойственной ей манере интересовалась, где её демоны носят, если вручение дипломов уже через полчаса, и почему она не отвечает. Звонить при Викторе Лина не решилась, поэтому просто быстро написала, что скоро будет.

– Что-то срочное? – В голосе Виктора звучал искренний интерес, а не просто вежливость, и Лина, даже не успев понять, что именно она говорит, ответила:

– Кажется, я опаздываю на вручение дипломов.

– О, – меценат выглядел действительно удивлённым, – почему же Татьяна мне не сказала, что у вас сегодня столь важный день? Мы могли бы выбрать другую дату. Я уже говорил вам, Лина, что готов подождать.

– Мама не знает, что у меня сегодня вручение дипломов.

– Кажется, это долгая история, – проговорил задумчиво Виктор, пристально разглядывая побледневшую Лину.

Она вовсе не собиралась делиться подробностями отношений с матерью с посторонним человеком, да ещё и с её партнёром. Но было в нём что-то располагающее.

– Диктуйте адрес, – приказал Виктор, – подброшу вас, чтобы вы не опоздали.

– Мне неудобно вас...

– Ну я всё-таки меценат и помогаю молодым дарованиям. Если вам так не хочется быть мне обязанной, давайте заключим сделку: я вас подвожу, и вы точно успеваете получить диплом, который, кажется, важен для вас.

– А я? – осторожно уточнила Лина.

– Нарисуете мой портрет и будете везде возить с собой, – рассмеялся Виктор, отчего Лина невольно улыбнулась в ответ. – Ну и расскажете, почему держите получение диплома в тайне. По рукам?

И Лина, все ещё улыбаясь странной просьбе, пожала тёплую ладонь.

Глава 2. Портрет

Строго следили за красавицей, но была она не только красива, но и умна и придумала способ ускользнуть от пристального надзора.

– Мам, я вернулась! – Лина с облегчением прислонилась к прохладному металлу двери, на ощупь закрывая замок одной рукой, а второй привычным движением закидывая клатч на трюмо.

Тот шлёпнулся с гулким звуком и проскользил до зеркала, мелкий бисер клацнул по стеклу. Лина скинула туфли и замерла на мгновение, вглядываясь в своё отражение: растрепавшиеся волосы золотым пушистым ореолом обрамляли раскрасневшееся от жары сияющее лицо. Коридор тонул в закатных лучах солнца – золотистые пылинки кружили точно так же, как утром в галерее. Лина сощурилась, улыбаясь, проводя рукой в воздухе и представляя, как в детстве, что это волшебная пыльца, которая подчиняется ей, чувствуя, как внутри разливается счастье: у неё получилось! Вожделенный диплом получен, долгие часы учёбы, просмотров и практик позади, а впереди работа в самом Эрмитаже.

Ноги гудели от долгой прогулки с одноклассниками, хотя она и ушла в разгар веселья. Празднование выпускного планировалось на всю ночь, все собирались в бар, потом куда-нибудь потанцевать, но Лина не хотела лишний раз провоцировать мать на вопросы.

Она прошлёпала босиком по приятно прохладной плитке пола.

– Мам, ты дома? – позвала она ещё раз, заглядывая в кабинет, но матери там не было, только прохладный полумрак: окна выходили на север, и солнце сюда не заглядывало.

Это означало, что у Лины в распоряжении был весь вечер: если мать не вернулась рано, то, скорее всего, ужинает с партнёрами, и можно успеть продумать, что и как говорить. Но, стоя под прохладным душем, Лина размышляла о том, что лучше взять в Петербург и какой из экспонатов ей могут поручить для реставрации.

Спустя четверть часа посвежевшая, смывшая непривычную и порядком надоевшую за этот жаркий день косметику Лина, напевая весёлый мотив и пританцовывая, вышла из душа.

– И когда, скажи на милость, ты собиралась мне сказать? – Голос матери пригвоздил к месту, хотя звучал обманчиво мягко, а лицо оставалось совершенно безмятежным.

Лина замерла, неловко придерживая полотенце на груди, чувствуя себя совершенно беззащитной и ёжась из-за того, как неприятно капает на спину с мокрых волос.

– Я... Мам, я только оденусь, и мы поговорим. – Лина двинулась было в сторону своей комнаты, но мать сделала шаг вперёд, преграждая ей дорогу.

Безупречные лаковые туфли остановились в каких-то сантиметрах от босых ног Лины.

Мать двумя пальцами подняла диплом и качнула им перед её лицом:

– Это что такое?

– Мой диплом. – Лина дёрнулась было его забрать, но мать отступила на шаг назад.

– Поправь меня, возможно, в мои годы мне уже изменяет память. – Голос звучал тихо, но Лина сжалась, комкая полотенце на груди: именно таким тоном мать разговаривала с ней, когда была чем-то недовольна. – Кажется, ты училась на кафедре монументальной живописи?

– Изменяет, – неожиданно даже для себя огрызнулась Лина.

Перед глазами уже была мутная пелена, но она заставила себя продолжить:

– Ты совершенно забыла, что я хотела стать реставратором!

– О, как ты заговорила. – Мать сложила руки на груди, приподнимая брови в притворном удивлении. – Очень удобно предаваться своим детским мечтам, когда мать всё за тебя делает! Я тебе искала клиентов всё это время, вводила тебя в сообщество. Прекрасно приходит на всё готовенькое и потом заявлять, что ты там хотела!

– Я не просила тебя этого делать. – Лина некрасиво шмыгнула носом, чувствуя себя совершенно беззащитной и несчастной в этом дурацком полотенце, с мокрыми волосами, противно липнувшими к шее. – Я говорила, что я хочу сохранять то, что уже есть! И если и рисовать, то своё! То, как я вижу, а не как надо, чтобы понравиться твоим друзьям!

– Не смей так разговаривать! Ты и так мне врала всё это время! Просто кошмар! Спасибо Виктору, хоть от него я узнала, чем занимается моя дочь... Что ты, оказывается, такая талантливая чудесная девочка, и «рисовать умеет, и как замечательно, что я поддерживаю такой необычный для нашего круга выбор профессии». Мне ещё никогда... никогда не было так стыдно, Лина! Ты представляешь, какими глазами я смотрела на него, пытаюсь понять, о чём вообще он говорит?

– Тебе было стыдно за то, что я получила высшее образование? – вздрагивая от подкатывающих рыданий, проговорила Лина. – Или что? Я не вписываюсь в твоё блестящее общество и распугиваю тебе клиентов своим непривлекательным внешним видом? Было удобно говорить всем: «Ох, не обращайте внимания на её наряд, она просто много рисует, понимаете, немного не от мира сего, так погружена в творчество...» Да? Или ты думаешь, что я ничего этого не слышала и не замечала?

– Я просто хотела как лучше, – ничуть не смутившись, ответила мать, – ты не понимаешь, что такие истории прекрасно продают твоё творчество! А с моими связями...

– Не нужны мне твои связи! – рявкнула Лина и замерла, слушая заполошный стук собственного сердца.

– Вот, значит, как, – спустя бесконечно долгую паузу проговорила мать, – вот как ты всё вывернула. Что ж, есть в кого.

– Не надо приплетать сюда отца!

– Нет-нет, я всё поняла, – мать впихнула ей в руки диплом, – ты у меня теперь самостоятельная. Я-то думала, что это всё какая-то чудовищная ошибка. Была готова договориться с кафедрой, чтобы осенью ты пересдала сессию и защитилась. Но, оказывается, ты уже всё решила. Прекрасно. Тогда, будь добра, дальше без меня.

– Мама, я не...

– Ты взрослая и самостоятельная. Даже диплом есть!

– Мама, я уже нашла работу.

– Неужели?

Лина кивнула, прижимая к груди диплом, и принялась сбивчиво объяснять:

– В Петербурге будет выставка, меня взяли стажёром для подготовки экспонатов...

– Стажёром? – переспросила мать, красиво выгибая бровь. – Я правильно понимаю, что за это не будут платить?

– Я всё рассчитала, – торопливо продолжила Лина. – Я откладывала, жильё мы будем снимать вместе с Ниной, ты её помнишь, наверное, моя сокурсница, она из Петербурга как раз. А после выставки меня возьмут в штат.

– Если возьмут, – пробормотала мать, осторожно прикладывая руку к виску. – Что-то у меня разболелась голова.

Лина хотела было продолжить, ведь мама наконец-то слушала, и ведь она правда старалась, и была лучшей на курсе, и добилась всего-всего сама. Но после этой фразы начавшее было возвращаться чувство радости из-за того, что у неё получилось, сжалось и сморщилось, точно воздушный шарик, из которого выпустили весь воздух.

– Знаешь, дорогая, – мама подошла к ней и аккуратно приобняла за плечи, чтобы не намочить ненароком свой чудесный небесного цвета сарафан, красиво облегающий её фигуру, – утро вечера мудренее. Давай мы завтра поговорим с тобой за завтраком... А нет, прости, завтракаю я с Сезаром. Я попрошу секретаря прислать тебе время и место, хорошо? И мы всё обсудим. Думаю, пока лето, ты вполне можешь поехать в Петербург, развлечься, поучаствовать в этой подготовке. А потом мы что-нибудь придумаем. Правда? И не будем рубить сгоряча, хорошо?

Лина молчала. Мама улыбнулась и поцеловала её в висок:

– Думаю, что мы всё легко исправим.

– Да, мама, – прошептала Лина, осторожно выбираясь из объятий. – Я что-то очень устала, пойду спать.

– Спокойной ночи, дорогая, – мать уже достала телефон и что-то просматривала, – завтра увидимся.

Она скрылась у себя в кабинете, явно собираясь ещё немного поработать, помочь юным дарованиям и что-то исправить. Вот только Лина, оставшаяся в мягком полумраке коридора, совершенно точно знала, что ничего исправлять не собирается.

Утро выдалось тихим и ленивым, словно и не случилось вчерашней размолвки с матерью. До отъезда в Петербург оставалось целых три дня, планов не было, и, сидя в одиночестве на кухне, Лина пила кофе и бездумно листала ленту новостей.

Она подумала, что стоило бы поехать в студию, чтобы собрать часть материалов с собой, когда её отвлекло сообщение от незнакомого номера:

«Лина, доброе утро! Это Виктор. Прошу прощения за бесцеремонность, не удержался и попросил твой телефон у Татьяны. Если это возможно, хотел бы сегодня забрать картину. Ты сможешь?»

Лина сначала нахмурилась, вспомнив, кому обязана раскрытием своей тайны. Но ведь посторонний человек не мог знать об их отношениях с матерью, а она не слишком уж вдавалась в подробности. Вряд ли Виктор рассказал про диплом нарочно. Скорее всего, за ужином просто упомянул, что подвёз её.

Не давая себе времени передумать, Лина скинула «ок» и адрес мастерской. И уже одеваясь в беспечный красный сарафан, поймала себя на том, что идея встретиться с Виктором кажется ей привлекательной. Она даже замерла перед зеркалом на мгновение, поняв, что пытается понять, насколько хорошо выглядит. Тряхнув головой, она подхватила большую вместительную сумку, чтобы заодно захватить нужные материалы, и постаралась отогнать мысли о том, что у Виктора необычайно интересное лицо.

Лина думала, что успеет доехать и собрать необходимые материалы, но Виктор неожиданно ждал её на улице и, несмотря на жару, от которой плавился асфальт, в тёмно-синем льняном костюме выглядел так, словно только что наслаждался прохладой, а не стоял на солнцепёке.

– Простите, что заставила ждать, – неловко улыбнулась Лина, поравнявшись с ним и как можно незаметнее стирая рукой капельки пота, выступившие на висках. Стоило взять такси, а не толкаться в душном метро, но ей не хотелось дополнительных трат из-за предстоящего отъезда и ситуации с матерью.

– О, ничего страшного. – Виктор мягко улыбнулся, и Лина, привыкшая наблюдать за людьми и улавливать детали, отметила и мелкую сеточку морщин в уголках его глаз, и красивые ровные зубы, и что, даже улыбаясь, он выглядит очень сдержанным. – Ту, которая приносит удачу, можно и подождать.

Кажется, недоумение отразилось на её лице, потому что Виктор счёл нужным пояснить, окинув взглядом её фигуру:

– Ваш красный сарафан. В Китае считается, что этот цвет символизирует удачу.

Лин надеялась, что её ощутимо пылающие щёки, явно сравнившиеся по цвету с сарафаном, Виктор спишет на жару.

В мастерской, к счастью, оказалось прохладно: Лина снимала её вместе с ещё одной девушкой, которая чаще проводила мастер-классы в отдельной комнате, чем приходила рисовать сама, вот и сейчас из-за неплотно прикрытой двери раздавались голоса, а кондиционер работал на максимуме.

– У вас сегодня ещё встреча? – Кажется, в голосе Виктора прозвучала досада, но Лина решила, что ей почудилось.

– Нет, это моя знакомая, мы вместе арендуем студию. У нас разные комнаты, так что нам не помешают, пойдёмте.

Свою мастерскую Лина любила и подумала, что, пожалуй, будет грустно с ней расставаться. Аренду оплачивал отец, причём напрямую владельцу, поэтому пока Лина надеялась оставить помещение за собой. Кто знает, как всё сложится с реставраторством? Как бы Лина ни была категорична в разговоре с матерью, живопись она любила и рисовать для себя могла часами. Вот только мать настаивала на том, что надо создавать то, что нравится заказчикам, а не то, к чему лежит душа. А с этим Лина смириться не могла.

– У вас здесь... пустовато, – осторожно сказал Виктор, оглядываясь, пока Лина искала нужный холст.

– Я же уезжаю на практику, – пояснила она, обернувшись и чуть не уронив пустой подрамник себе на ногу. – Сегодня заберу то, что планировала взять с собой, а за остальным проследит коллега.

Она кивнула в сторону двери, в коридоре стали слышны голоса: кажется, занятие уже завершилось и все дружно отмывали кисти и палитры.

– И не жалко вот так всё бросать? – поинтересовался Виктор, приближаясь и помогая придержать составленные у стены холсты. – Почему вы решили не заниматься живописью?

Лина пожала плечами:

– Я люблю восстанавливать то, что может быть утрачено. Разве не печально, когда действительно прекрасные вещи исчезают навсегда?.. О, а вот и она!

Лина вытащила нужный холст и повернула его лицевой стороной, прислонив к стене. Солнечный свет, щедро льющийся в мастерскую сквозь большие окна, превратил гибкий зигзаг потали на насыщенном синем фоне в жидкое золото.

– Она ещё прекраснее, чем на тех фото, что показывала мне Татьяна. – Виктор отошёл на несколько шагов и, склонив голову немного набок, стал изучать картину. – Что вы здесь изобразили?

Лина, которая всё это время наблюдала, как свет огибает фигуру Виктора, оставляя его лицо в тени, подчёркивая и вместе с тем размывая черты, потому что приходилось щуриться, моргнула пару раз, собираясь с мыслями:

– Ничего конкретного на самом деле. В тот день был ливень, и я задержалась в мастерской. Чтобы занять руки и скоротать ожидание, решила порисовать. Я просто рисовала небо за окном или скорее своё впечатление от неба. А потом началась гроза.

– То есть это молния? – Виктор приблизился и, не касаясь, проследил пальцем золотой росчерк.

Лина улыбнулась:

– В тот момент мне казалось, что это дракон. Из тех, что могут летать без крыльев. Мама всегда говорит, что я ужасная фантазёрка, – добавила она поспешно, заметив пристальный взгляд Виктора.

– Нет-нет, это необычайно интересно, – заверил он, улыбнувшись. – Я рад, что решил купить эту картину.

Лина вновь улыбнулась, чувствуя себя неловко от похвалы и смущаясь от того, как он внимательно смотрит, словно наблюдает. Ещё и голоса в коридоре стихли, и при мысли о том, что они с Виктором, возможно, остались в мастерской одни, моментально пересохло во рту и бросило в жар.

– Я проверю, работает ли кондиционер, – пробормотала она, – а вы пока располагайтесь, я же обещала нарисовать ваш портрет.

Она поспешно сбежала в коридор и, захлопнув за собой дверь, прислонилась к ней спиной.

Все действительно ушли, и в мастерской стало совсем тихо, только равномерно гудел кондиционер.

Лина вздохнула несколько раз, чтобы успокоиться. Внимание Виктора льстило, и похвала была приятной, к тому же он был безукоризненно вежлив, но каждый раз, когда он пристально смотрел на неё, Лину пробирала невольная дрожь.

Возможно, он просто привлекал её? Она так много училась, что времени на личную жизнь и планы оставалось совсем немного, да и не привлекал её никто из одноклассников, а те люди, с которыми её знакомила мать, были намного старше и если и оказывали ей знаки внимания, то явно с мыслями, что тем самым они скорее завоюют расположение её матери.

Лина сцепила пальцы и, на мгновение задержав дыхание, прислушалась. За дверью было тихо, но она различила лёгкие шаги и шорохи. Похоже, Виктор ходил по мастерской, разгля-

дивая её картины. Она осторожно отлепилась от двери и на цыпочках прошла в маленькую ванную. Сполоснула пылающие щёки прохладной водой, зеркало отразило неожиданно бледное лицо и испуганно распахнутые глаза. Она нахмурилась, пытаясь понять, что её пугает и заставляет вести себя настороженно. Никакой очевидной причины не нашлось, поэтому Лина взяла одну из банок с полки, налила воды и решила, что акварель для портрета Виктора – отличное решение. Так она сможет отделаться от него уже сегодня.

– Извините, если вторгаюсь в ваше личное пространство, – неожиданно сказал Виктор, когда она вернулась в комнату.

Лина, вздрогнув от его голоса и слов, чуть не расплескала воду из банки на себя, споткнувшись на пороге.

– Просто вы так не похожи на других художниц, с кем я сталкивался. А я бываю чрезвычайно настойчив, когда заинтересован.

Лина проскользнула мимо него, не поднимая глаз, и осторожно поставила банку на стол.

– Во мне вовсе нет ничего необычного, – ответила она тихо, доставая акварель и выбирая кисти из большой стеклянной банки.

– У вас удивительный взгляд на мир. Всё-таки жаль, что вы решили стать реставратором...

Лина вскинула на него взгляд, осенённая догадкой:

– Это моя мать попросила вас убедить меня, что я не права?

– Нет-нет, – Виктор даже выставил руки в защитном жесте, – вовсе нет, хотя вчера за ужином, когда я обмолвился, что отвозил вас, и выразил удивление специализацией, Татьяна всячески давала понять, что реставрация – ваше временное увлечение. Я так понимаю, что она имеет большие планы на продвижение вашего творчества и несколько... разочарована задержкой этих планов.

Лина сжала кисточку так, что удивительно, как тонкое дерево не переломилось в руке:

– Виктор, прошу меня извинить, но я обещала нарисовать ваш портрет, а вовсе не обсуждать мои предпочтения.

Она отвернулась, чувствуя, что злости и решимости всё-таки недостаточно, чтобы посмотреть ему в глаза.

– Простите, если задел вас, – спокойно ответил Виктор, Лина все ещё стояла к нему спиной, бездумно перебирая кисти, и не могла судить о выражении лица, но голос звучал всё так же доброжелательно. – Мне просто необычайно понравились ваши работы. Я позволил себе посмотреть. Вы не сердитесь?

Лина оглянулась и выдавила из себя улыбку.

– Спасибо. Присаживайтесь вот сюда, и начнём. – Она указала на стул, стоящий рядом с её рабочим столом. – Вы не против, что портрет будет акварельным и совсем небольшого размера, чтобы успеть за один сеанс?

– О, я буду рад любому варианту, – улыбнулся Виктор, – если он будет создан вашими руками.

Лина думала, что не сможет сосредоточиться на работе, что пристальный, постоянно изучающий взгляд Виктора будет отвлекать, но стоило ей взять карандаш в руку и начать набросок под акварель, как она успокоилась.

Рука привычно набрасывала тонкими штрихами основные пропорции лица, а когда она вскидывала взгляд, чтобы уловить их, придать больше сходства с оригиналом, Виктор уже не казался угрозой. Он стал объектом её изучения, тем, чьи черты надо было узнать и перенести на бумагу.

Она сощурилась: Виктор сидел спиной к окну, потому что ей захотелось поймать это странное сочетание теней и чёткости линий с золотым светом и пылинками, которые кружили в солнечных лучах точно так же, как вчера на выставке.

Лина парой штрихов поправила линию подбородка и остановилась, глядя на Виктора, пытаясь уловить то, что оживит весь образ.

Он сидел ровно, немного правее от неё, солнце подсвечивало синеву льняного пиджака, но она густо мазнула чёрной акварелью и поспешно промокнула тонкой кисточкой лишнюю краску там, где на плече проступали контуры дракона, вышитого шёлком на традиционном китайском пиджаке. Она увлечённо вырисовывала едва заметные чешуйки, длинные усы и рога.

– Кажется, вам нравятся драконы? – прозвучал над ней голос, отчего Лина дёрнулась, сбивая банку и в последний момент выдёргивая законченный портрет из-под разлившейся грязной воды.

– Простите... – начали они одновременно, и Лина, чтобы успокоиться, принялась поспешно протирать стол тряпкой, которая, к счастью, была у неё под рукой.

– Я не хотел вас напугать, – извиняющимся тоном произнёс Виктор, – удивлён, что вы не заметили, как я подошёл.

– Я увлеклась, простите, – прошептала Лина.

– Драконом, – в голосе Виктора не слышалось вопроса.

– Простите, – снова прошептала Лина, мечтая провалиться под землю, – просто вчера... я запомнила рисунок на вашем пиджаке.

– О. – Кажется, Виктор ожидал другого ответа, потому-то выглядел одновременно удивлённым и польщённым, как отметила Лина, которая любила наблюдать за эмоциями людей и даже незаметно скетчить незнакомцев в метро. – Ваше внимание к деталям впечатляет. Позвольте взглянуть?

Он протянул руку к портрету, который Лина отложила на край стола, чтобы не попала вода.

– Конечно.

Чтобы не волноваться и не пытаться понять по лицу Виктора, понравился ли ему портрет, Лина продолжила возить влажной тряпкой по уже сухому столу.

– Это восхитительно! Поразительное сходство.

Лина вскинула глаза на Виктора: тот улыбался и выглядел крайне довольным.

– И всё-таки вам стоило бы подумать о живописи, – произнёс он задумчиво.

Лина нахмурилась и хотела было возразить, когда у Виктора зазвонил телефон.

Он посмотрел на экран и сбросил звонок:

– Боюсь, что мне пора, – проговорил он, возвращая Лине портрет. – Я переведу плату за картину и портрет вам на карту, хорошо?

Лина растерянно кивнула:

– Разве вы не заберёте портрет?

– Я хотел бы, чтобы он сохранился у вас. На память обо мне, – загадочно улыбнулся Виктор, подхватывая холст с абстрактным небом. – Даже если мы скоро увидимся вновь. А теперь простите меня, Лина, но я действительно должен спешить.

Когда за Виктором захлопнулась дверь, Лина опустилась на стул, разглядывая портрет.

Формат был совсем небольшим: чуть больше половинки листа А4, она любила вкладывать дополнительные листочки в скетчбук, на случай, если захочется сделать цветной набросок на хорошей, хлопковой бумаге. Но даже в таком размере сходство и правда вышло удивительное: лицо оставалось в тени, но тёмные, почти чёрные глаза Виктора смотрели в упор.

Неожиданно солнце, заливающее светом мастерскую, зашло за тучу, и показалось, что Виктор на портрете криво улыбнулся уголком губ. Лина поспешно перевернула лист изображением вниз и зябко поёжилась. Чего только не померещится, когда слишком увлечённо рисуешь.

Момент отъезда в Петербург Лина ждала словно избавления после долгого заточения. Всё было не так уж плохо: мать в основном её подчёркнуто игнорировала или делала вид, что поездка в Петербург – что-то вроде небольших каникул, после которых всё вернётся в привычную колею. Поэтому Лина не сильно удивилась звонку отца, который сообщил, что ждёт её в середине июля и что уже нашёл студента, которого отдаст ей на растерзание в качестве гида по Флоренции.

– Кариссима³, я знаю, что ты прекрасно справишься сама, – голос отца в трубке звучал весело, – но твоя мать настояла, что я не должен давать тебе скучать. Уверен, у Сандро это получится куда лучше.

Лина промолчала, решив, что с отцом они прекрасно договорятся обо всём позже, когда она сама поймёт, чего ей ждать от Северной столицы. С ним всегда было проще, несмотря на то что они виделись раз или два в год, а может быть, именно поэтому.

Пока же она пыталась справиться с целой чередой неприятных мелочей, которые, словно в отместку за её своеволие, начали отравлять жизнь.

Сначала, когда она сломала каблук, просто стоя на остановке, Лина не придавала этому значения – было досадно, но не более того. Но чуть позже в тот же день она порезала палец и едва смогла остановить кровь, подвернула ногу уже в любимых удобных кроссовках. Вечером уронила ключи в шахту лифта, чем была очень недовольна помощница матери, потому что запасной комплект пришлось привозить именно ей, пока Лина пыталась вернуть пропажу с помощью крайне неторопливых сотрудников управляющей компании.

Из-за всех этих мелочей Лина пропустила звонок Виктора, а перезвонить постеснялась. Ей было интересно, что он хотел сказать, и почему-то боязно узнать.

Портрет, который и правда получился удачным, она носила с собой. Пару раз хотела выложить, но взгляд на портрете словно бы становился укоризненным, и Лина, вспомнив своё обещание, оставила маленький листок в скетчбуке, который был всегда в сумке.

Вечером накануне её отъезда мать вернулась поздно и в прекрасном настроении. Она была на очередном благотворительном ужине, где, конечно же, совершенно случайно её соседом за столом оказался Виктор.

Не менее четверти часа Лина выслушивала описания всех его достоинств, но, когда мать небрежно упомянула восторги Виктора относительно купленной картины и сказала, что та должна стараться ещё больше и нарисовать ему целую серию подобных картин, Лина рассердилась.

У неё ныл сильно порезанный палец и болела подвёрнутая нога, и вставать на поезд надо было очень рано, а мать продолжала делать вид, что ничего особенного не происходит! Раздосадованная ко всему прочему тем, что Виктор так и не перезвонил и что она не решилась сделать это сама, Лина чрезмерно резко ответила матери. А потом они поругались. Кажется, так сильно, как никогда в жизни. Лину до сих пор потряхивало от тона и эпитетов, которыми мать её наградила.

– Уважаемые пассажиры, просьба провожающим покинуть вагоны! – прозвучал металлический безликий голос.

Лина вынырнула из тяжёлых воспоминаний и отшатнулась от окна, содрогнувшись всем телом: на мгновение ей показалось, что на платформе стоял Виктор. Но нет, это был незнакомый молодой человек в деловом костюме, торопящийся попасть в вагон.

Лина глубоко вздохнула и откинула голову на спинку, прикрывая глаза.

³ Carissima (*ит.*) – ласковое обращение к женщине, означающее «дорогая», «любимая».

– Выглядишь не очень, – вместо приветствия сказал Виктор, подойдя к пожилому мужчине, проводившему взглядом едва заметно прихрамывающую девушку, торопящуюся на «Сапсан». – Перемены не идут тебе на пользу.

То Лао искоса посмотрел на Виктора поверх очков с прямоугольными стёклами в тонкой золотой оправе.

– Никакого уважения к старшим, – бросил он, безразлично отворачиваясь, но напряжённые плечи и то, как он поудобнее ухватился за трость, на которую опирался, выдавали его настороженность.

– Действительно, – ухмыльнулся Виктор, и глаза его недобро сверкнули. – Не боишься вмешиваться в мои дела?

– Ты ведь знаешь, что, если падут печати, ни к чему хорошему это не приведёт? – спросил То Лао, поворачиваясь к собеседнику. – Времени, чтобы предотвратить разрушение, осталось совсем мало, и эта девочка – просто дар.

– Забавно, что ты не думал о печатях раньше. Что, если я, наоборот, готов всячески способствовать их разрушению? – Виктор широко улыбнулся.

Солнечный свет словно померк, женщина с маленькой собачкой, проходившая мимо, оступилась и едва не упала на ровном месте. Внезапный порыв ветра качнул провода и плохо закреплённую вывеску, мигнувшую надписью «Возьми кофе в дорогу».

То Лао мрачно проследил за голубем, который сорвался с крыши и, неловко взмахивая крыльями, приземлился у их ног.

– Я тебе не позволю.

– Ты стал слишком слаб, То Лао, – с искренним сожалением покачал головой Виктор. – Ци теперь не так свободно течёт в этом мире, и ещё меньше тех, кто может ей управлять.

– И ты в этом виноват! – узловатый палец То Лао обвиняюще ткнул в Виктора.

Тот рассмеялся, качая головой:

– Конечно, ведь это я решил соблазнить жену императора!

– Ты не дал Шеню даже возможности всё исправить! – То Лао горячился и сжимал трость так сильно, словно это могло удержать его от резких слов.

Лениво прогуливающиеся голуби, плеснув крыльями, разлетелись, какая-то пожилая дама, опасливо поглядывая на них, поспешила к поезду, на который уже заканчивалась посадка.

– Я не даю вторых шансов, То Лао, – оборвав смех, бесстрастно ответил Виктор, и его тихий голос прозвучал тяжело и отчётливо, несмотря на громкое механическое объявление о скорой отправке состава. – Я только выношу приговор.

– Это был несправедливый приговор!

– Неужели? – с прохладцей произнёс Виктор, поглядывая на часы. – В таком случае сейчас тебе не о чем беспокоиться и всё получится по-твоему, не так ли? Прошу меня извинить – дела.

С этими словами Виктор, не дожидаясь реакции на свои слова, неторопливо отправился к выходу с вокзала, оставив То Лао в бессильной ярости сжимать трость.

Глава 3. Реставрационные мастерские

И была жена императора необычайно искусна и обладала редким даром наделять своей ци то, что создавала своими руками.

– Выложите из карманов телефоны, ключи и металлические предметы, – гулкий монотонный голос сотрудника аэропорта разнёсся над очередью пассажиров, прибывших рейсом из Москвы и торопящихся пройти в зону паспортного контроля.

То Лао прошёл через металлоискатель, вежливо улыбаясь и не переставая быстро перебирать пальцами, вращая в левой ладони тяжёлые металлические шары баодин.

Бдительный охранник, заставляющий выворачивать карманы практически всех путешественников, скользнул по нему безразличным взглядом, даже не задержавшись на ловких пальцах, и пропустил, ничего не сказав.

То Лао подхватил потёртую, но добротную и дорогую на вид кожаную сумку свободной рукой и неторопливо отправился на выход из аэропорта – путешествовать он предпочитал налегке.

Петербург встретил его низким небом и ливнем, столь сильным, что ожидающее у терминала прилёта такси показалось зыбким мороком. Проводив взглядом ворону, которую, несмотря на старательные взмахи крыльев, снёс шквалистый ветер, он поправил немного помявшийся за время полёта ворот-стойку шёлкового пиджака-мандарина, чтобы за шиворот не попали капли, и поторопился скрыться от непогоды в салоне машины.

Долгих для простого смертного тридцать лет он много путешествовал, делясь опытом и знаниями, пусть даже никто и не мог вспомнить, как именно в Запретном городе появился главный реставратор.

Иронично получилось: Шень всегда твердил, что То несёт лишь хаос и подбивает его на всякие глупости (как будто соблазнение жены земного императора не было весёлым приключением!), но теперь, пытаясь пробудить друга, он только и делал, что восстанавливал и сохранял.

Где внимание, там и энергия: ничто не может лучше восстановить ци, которой так не хватает в мире без Небесного дракона, чем спокойное созидание.

Поначалу То Лао надеялся, что сможет справиться с пробуждением друга сам, но он слишком был связан с Небесным дворцом, чтобы собрать достаточно энергии, её не хватало даже на поддержание молодости его воплощения.

Без Дракона поток ци утекал в Жёлтый источник, нарушая баланс. Поэтому, став главным реставратором Гугуна и возвращая былое величие земной резиденции императора, То Лао не прекращал поиски простого смертного, чьей жизненной силы будет достаточно, чтобы пробудить его друга.

Золотой шпиль Адмиралтейства, казавшийся ослепительным даже в дождливом сумраке, дарил надежду. Как дарила её девушка, работающая сейчас где-то в этом хмуром городе. Ему будет приятно посмотреть на древние вещицы прежних императоров, восстановленные умелыми руками. Жаль, что теперь некому наполнить их энергией; в давние времена, когда работал мастер, драгоценные нефритовые гребни, вышедшие из-под умелых рук, могли защитить владельца от сглазов, тонкий, как паутинка, шёлк – остановить смертоносный клинок, а бумажный зонтик закрыть от огненной стрелы. То, что большинство смертных людей называло волшебством, утекало из мира, и больше всего То Лао хотелось это остановить.

– Ты всегда можешь уехать страдать к отцу в Италию, – фыркнула Нина, крепко удерживая большой зонт, который ветер так и норовил вырвать из рук. – Будешь есть джелато на Пьяцца Република! Гулять, пить апероль и...

– Наслаждаться солнцем, да-да, – без особого энтузиазма подхватила Лина, перескакивая через очередную лужу.

Она только что рассказала Нине, что наступил последний день практики, а в штат её все ещё не взяли.

Нина тоже была реставратором, они подружились, когда та приезжала в Москву. Училась Нина в академии Штиглица, была немного старше и вот уже два года работала в мастерских Эрмитажа, где они и столкнулись вновь.

– Если только поехать, чтобы посмотреть реставрацию купола Санта-Мария дель Фьоре. Кстати, ты в курсе, что, чтобы просто очищать облицовку собора от грязи, надо иметь диплом реставратора?

– О, вот она, вершина твоей карьеры! – сделала страшные глаза Нина. – Хотела бы я видеть лицо твоей матери, когда ты ей скажешь со своим восторженно-вдохновенным видом, что будешь мыть собор.

Лина фыркнула: на расстоянии от матери подобные шутки действительно казались смешными.

– Но ничего, я не теряю надежды, что когда-нибудь ты научишься отдыхать. – Нина ловко перепрыгнула через лужу, не замочив ног. – То ты отговаривалась тем, что должна учиться только на отлично, и пропускала все тусовки, теперь, выпустившись, ты собираешься запуститься в работе.

– Я ещё не получила работу, – буркнула Лина в ответ, зябко ёжась от мокрого ветра.

Карьерные перспективы они обсуждали, вынырнув из метро и торопливо пробираясь по залитой потоками воды улице в направлении реставрационных мастерских.

Несмотря на лето, небо Петербурга хмурилось тучами и поливало дождями без перерыва уже больше месяца, поэтому даже мечты о возможной поездке к отцу не казались Лине прекрасными – сложно поверить, что где-то может быть иначе и светить солнце, если уже не помнишь, как оно выглядит. К тому же постоянную работу она ещё действительно не получила.

Подготовка экспонатов к выставке подходила к концу, у неё всё получалась прекрасно, но вот в штат с распростёртыми объятиями её пока никто не принимал.

– И это говорит отличница, которую с руками, пусть и изрезанными мозаичными кусачками и стеклом, взяли готовить экспонаты для крупнейшей выставки Эрмитажа! Не ценишь ты себя... – вздохнула Нина, стряхивая со светлого плаща капли, когда они достигли крыльца реставрационных мастерских.

– Наверное. – Лина попыталась неопределённо пожать плечами, но её руки были заняты: промокшая липучка зонта никак не хотела закрываться, а от неловкого движения он вновь распахнулся, обрызгав подруг.

– Не оттяпай себе палец кусачками, будет ужасно обидно в последний день перед заслуженным отдыхом. – С этими словами Нина перекинула через руку плащ и умчалась в хранилище живописи.

Лина только вздохнула. Практика шла не совсем по плану: реставрационные работы затянулись из-за задержки с поставкой материалов от китайских коллег, отложенные деньги заканчивались, грядущая выставка с реставрируемыми экспонатами висела дамокловым мечом, и Лина никак не могла улучшить момент, чтобы переговорить со своим руководителем о дальнейшем переводе в штат. Сначала ей было неудобно, потому что ещё не успела себя показать. Потом проснулись застенчивость и боязнь услышать отказ: возвращаться домой под крыло матери не хотелось совершенно.

И вот теперь, неловко поскользнувшись на луже, натёкшей с её же зонта, и с трудом удержав равновесие, Лина поторопилась через широкие коридоры хранилища мимо запечатанных дверей в святая святых – реставрационную мастерскую, где с самого начала практики под чутким руководством Тараса Вадимовича – гуру искусств азиатского региона – вместе с командой реставраторов корпела над небольшим напольным экраном одной из китайских династий.

Поначалу Лине было страшно даже дышать в сторону бесценных предметов, но руководитель лаборатории оказался человеком, по её мнению, бесстрашным: рук не хватало, и Тарас Вадимович доверил ей работу над инкрустацией напольного экрана. Не над всей, разумеется, а только над небольшой иероглифической надписью со стихотворением императора, правившего под девизом Цяньлун. Но и это было невообразимым доверием. Теперь же, спустя почти два месяца, она чувствовала себя куда увереннее. Или нет, мелькнула предательская мысль, когда перед ней появился хмурый руководитель.

– Опаздываете, Лина. – В голосе Тараса Вадимовича прозвучало неодобрение, когда она, торопливо собрав влажные после дождя волосы в неаккуратный пучок, села на своё место и стала готовиться бесконечно долго подбирать перламутровые ракушки для финального фрагмента инкрустации.

– Простите... – Она покраснела и виновато опустила голову, хотя совершенно точно не опоздала.

Может быть, совсем немного, но под пронзительным взглядом голубых глаз, как всегда, смутилась и не нашла сил возразить.

Тарас Вадимович был отличным руководителем. Требовательным, но он и сам много работал, подсказывал и, казалось, был везде. К тому же он являлся очень известным в своих кругах китаистом. А вот Лина китайский не знала совсем. Ей очень нравилась каллиграфия, но она не планировала заниматься только восточным искусством, поэтому язык даже и не думала изучать. Да и много ли реставраторов так поступают?

Вот только Тарас Вадимович считал иначе и хоть и беззлобно, но сокрушался, что она реставрирует иероглифическую надпись, совершенно не зная её значения.

Перевод, смысл и несколько видов написания он, впрочем, сам же и показывал, и объяснял.

– Да не извиняйтесь, знаю я, что вы вовремя, – неожиданно мягко сказал Тарас Вадимович, – у нас сегодня делегация из Поднебесной приедет, переживаю.

– Вот как... – только и проговорила Лина. – Я почти закончила фрагмент.

– Молодец, – неожиданного похвалил её руководитель, переходя на «ты». – Если закончишь раньше, не уходи, должен же я показать китайским гостям, как талантливы наши сотрудники, как...

Лина улыбнулась, руководитель тоже:

– ...прекрасно реставрируют иероглифы, даже если не знают их значения.

Очень хотелось обидеться или хотя бы закатить глаза, но второе ей не позволила сделать вежливость, а первое просто было невозможно: Тарас Вадимович часто шутил своеобразно, но не зло, и за его талант, знания и любовь к своему делу ему это прощали.

«Ну и за пронзительные голубые глаза, конечно», – усмехнувшись, подумала Лина, аккуратно проверяя, подходит ли перламутровый кусочек по размеру к утраченному фрагменту.

К тому же он никогда не придирался, всегда подсказывал, как лучше сделать, какой инструмент использовать и как исправлять ошибки, если вдруг что-то пошло не так. В целом – идеальный руководитель, мечта любого новичка.

Медитативный подбор элементов затягивал, руки и мысли были заняты перламутром, и Лина даже думать забыла о какой-то там делегации, а потому испуганно дёрнулась, опрокидывая маленькую плоскую тарелочку с тщательно подобранными заготовками, когда рядом с ней прозвучал очень довольный голос:

– Hěn piàoliang⁴...

– Лина... – одновременно вздохнул Тарас Вадимович.

Она сначала аккуратно собрала все заготовки обратно, чтобы успокоиться и убедиться, что ничего не поломалось, и только потом, краснея от собственной неловкости, подняла глаза.

– Nín hǎo⁵, – жизнерадостно поприветствовал её уже знакомый невысокий поджарый китаец и радостно защебетал что-то так быстро, что Лина не успела и слова вставить и только беспомощно посмотрела на Тараса Вадимовича.

– То Лао, не понимает она по-китайски. – Руководитель успел вклиниться на английском.

⁴ Как красиво, очень красиво (кит. ###).

⁵ Вежливая форма приветствия «здравствуйте» (кит. ##).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.